

Не сдавайте заводы: неисполненный завет Кагановича

В 1990 году, в возрасте 97 лет, Лазарь Моисеевич Каганович – один из последних живых свидетелей и творцов советской истории – дал своё последнее интервью. Этот несгибаемый революционер, соратник Сталина и строитель социализма поделится размышлениями о прошлом, настоящем и будущем борьбы за коммунистические идеалы. Его слова – не просто голос ушедшей эпохи, но и боевой клич для тех, кто продолжает дело Ленина в наши дни.

Интервью было записано тайно: Каганович отказывался «теряться в мелочах, ввязываться в мерзкую кампанию», атаковавшую советское прошлое в годы перестройки. Итальянские журналисты из «La Repubblica» получили этот материал благодаря магнитофонным записям, сделанным человеком, которому Каганович доверял своим сокровенными мыслями. Возможно, именно эта близкая, почти интимная атмосфера позволяет нам глубже ощутить внутреннюю драму сталинского соратника.

Метко товарищ Каганович характеризовал перестроечный дискурс: «шизофренические дискуссии, в которых только пустая болтовня». Общее направление всей анти-советской кампании, которая, кажется, не утихает и сегодня: «Сначала отреклись от Сталина, теперь постепенно доходят до суда над социализмом, над Октябрьской революцией и скоро, не успеешь оглянуться, захотят судить Ленина и Маркса». И мы видим воплощение его опасений в реальности: учение Маркса объявляют «экстремистским» (пока только в речах, но то ли еще будет?), Ленина считают «закладчиком бомбы» под страну, а разговоры о его выносе из Мавзолея возникают с завидной регулярностью.

Каганович ушел из жизни в 1991 году, не дожив до распада СССР нескольких месяцев, но его слова «не сдавайте заводы и землю» звучат как неисполненный завет всем нам. Пока мы теряли фабрики, землю и идеалы, буржуазия праздновала победу, о которой он предупреждал. Но история, как он верил, движется зигзагами, и социализм еще восторжествует. Сегодня, глядя на всю пролитую буржуазией кровь бывших советских граждан, на олигархические дворцы, мы должны спросить себя: не пора ли народу и коммунистам вспомнить его призыв и вновь поднять красное знамя?

Михаил Бондаренко

Перевод статьи «PARLA KAGANOVICH 'NON SIAMO DEI MOSTRI'» итальянской газеты «La Repubblica» 1990 года.

ГОВОРИТ КАГАНОВИЧ:

МОСКВА. В одном из домов на набережной, в одном из тех серых, огромных зданий, которыми полна Москва, с двором позади, где играют дети, одинокий и больной, живёт последний великий деятель пятидесяти лет советской истории. Человек, который боролся за революцию в 1917 году, был командиром большевистских армий в гражданской войне против белых, а затем поднялся до вершин власти, став членом Политбюро, заместителем председателя Совета министров и главным соратником Сталина. Энергичный, беспощадный, живущий инстинктами человек, способный очаровывать и внушать трепет. Тот, кто никогда не раскаивался в содеянном: после смерти Сталина он плёл интриги против Хрущева, за что был сначала исключен из Политбюро, а затем и из партии. С тех пор, на протяжении трех десятилетий, Лазарь Моисеевич Каганович молчал, оставаясь на обочине политики, всеми забытый. Его старые друзья умирали один за другим. Другие предпочитали избегать его. Чтобы скоротать время, он начал играть в домино с пенсионерами своего дома. Он долго просил о реабилитации, но партия всегда отказывала ему. Когда в 1980 году, после операции в больнице, его дочь Майя добилась от ЦК небольшого повышения пенсии, он заметил: «Я бы предпочел, чтобы мне вернули красную карточку члена КПСС». Сегодня, в 97 лет, этот еврейский сын украинского сапожника, которого Сталин по какому-то чуду сделал союзником, сохраняет неугасаемый революционный дух. Он всегда отказывался говорить с журналистами, советскими или иностранными. «La Repubblica» смогла добиться от него разговора через молодого русского, который пользуется его доверием. Ему мы передали список вопросов. В долгих беседах, продолжавшихся месяцами и записанных на пленку, Каганович не отвечает на все вопросы. Но из исповедей этого великого старца сталинизма становится ясно, как трудно Горбачёву вести СССР к новому миру, и ощущается внутренняя драма человека, верившего в старый мир, который исчезает.

Лазарь Моисеевич, сегодня все пишут мемуары, автобиографии. Не думали ли вы рассказать о своей жизни в книге? Это могло бы стать способом ответить на обвинения, которые предъявляют вам и сталинизму.

Нет, я еще не решил делать ничего подобного. И в любом случае не хотел бы опускаться так низко, писать, чтобы защищаться. Если бы я писал, то рассказывал бы об эпохе, а не только о себе. Но у меня нет сил. Я плохо себя чувствую, у меня постоянно болит голова. Я почти потерял зрение, и это сильно меня ограничивает. Могу что-то нацарапать на бумаге, но потом не могу разобрать, что написал. Газеты мне приходится просить читать кого-то другого. И я очень боюсь потерять даже то слабое зрение, что у меня осталось, и не смочь больше передвигаться самостоятельно.

Но на обвинения вы могли бы ответить. Вас многие ругают здесь, в вашей стране, авторитетные историки, такие как Рой Медведев и Волкогонов...

Я не хотел бы теряться в мелочах, ввязываться в эту мерзкую кампанию, которая сейчас идет. Конечно, я знаю, что говорят. Мне читают газеты. И я слышу невероятные вещи. Но что происходит в нашем Советском Союзе?

Сначала отреклись от Сталина, теперь постепенно доходят до суда над социализмом, над Октябрьской революцией, и скоро, не успеешь оглянуться, захотят судить Ленина и Маркса.

Если уж всё ставить под сомнение, то надо рассматривать нашу историю целиком, в контексте истории человеческой мысли, истории классовой

борьбы, истории революций. А сегодня все смешано, принижено – буржуазные доводы и коммунистические причины, шизофренические дискуссии, в которых только пустая болтовня.

Вы были великим пропагандистом и вдохновителем. Если бы вы могли обратиться к советским гражданам, что бы вы сказали сегодня?

Я бы сказал им: продолжайте бороться за коммунизм, за идеи Маркса и Ленина. Я бы сказал, что мы столкнулись с возрождением национализма и шовинизма. Ах, конечно, если бы у меня была аудитория, как та, к которой я привык с юности... В шестнадцать лет я однажды организовал собрание молодых рабочих по вопросам грамотности и школьного образования. У меня было больше знаний, чем у них, я был начитанным юношей. Но они меня понимали. Надо уметь говорить с молодёжью. А сегодняшняя молодёжь, кажется мне, на гораздо более низком уровне, чем рабочие, к которым я обращался в 1913 году. Это молодёжь, готовая увлечься кем угодно. С ней надо начинать с азав, с алфавита...

Но ведь в обществе идет большой спор, молодёжь активна в самых разных движениях, говорят обо всем...

Да, спорят, но о чем? Когда я читаю мелочные интервью некоторых бывших членов Политбюро или книги воспоминаний... Они рассказывают историю так: я пошёл, он пришёл, он сказал, я сказал... Но что это значит? Какой в этом смысл? Надо говорить об идеях. Об идеях! О сути! О содержании! А о чем говорят сегодня наши так называемые общественные движения? Их не меньше пятидесяти, и на выборах участвует не меньше пятнадцати партий. И все они только вносят путаницу в умы моло-

дежи. Я бы, если бы говорил, прежде всего разделял. К старым кадрам надо обращаться одним образом, к средним – другим, к мелким буржуа и обывателям – ещё иначе... А к врагу надо обращаться по-другому, с врагом говорить так, как он заслуживает. И с этого бы я начал. Сказал бы: осторожно, товарищи, на нас нападают! Буржуазная идеология атакует, и надо признать, что сейчас она выиграла много битв. Что происходит в Польше? В Венгрии? Мы отступаем! И то, что происходит в Польше и Венгрии, – это предвестие того, что может случиться и у нас. Это заставляет меня страдать. Это заставляет меня плакать. Почему мое здоровье ухудшилось? Потому что я переживаю, видя, что творится в Восточной Европе, в Германии. Слава богу, в Китае была жёсткая реакция, и теперь посмотрим, чем это там закончится.

Но вы остаётесь оптимистом? По натуре я оптимист, но сегодня быть им трудно.

Я верю в силу нашей партии. Верю в силу нашей теории, в силу ленинизма. В конце концов, мы пережили и худшие времена.

Но сегодня меня беспокоит идеологический спор. К чему хотят прийти с этими разговорами о возрождении традиций, старой России, духа давно ушедших времён? На днях я слышал, как выступал старичок по телевизору. Что за чушь он нёс! «Мы наблюдаем возрождение подлинной русской культуры...» И ему позволяют нести такую болтовню? Какое возрождение? После всего, что мы, коммунисты, сделали за семьдесят лет для русской культуры! Был народ негра-

мотных. Была Россия совершенно невежественная, неграмотная, отсталая, крестьяне пахали землю деревянным плугом. Бедняки чахли, умирали как мухи. И сегодня мы должны праздновать возрождение той России? Я знаю, некоторые жалуются, что наши автомобили, наши машины работают не так хорошо: но раньше их вообще не было, они не существовали! Слава богу, сегодня они у нас есть, хоть и с недостатками, с несовершенствами. Как можно говорить, что всё плохо?

Лазарь Моисеевич, вы только что перекрестились. Значит ли это, что вы верите в Бога?

Нет. Я атеист. Знак креста я сделал в шутку. Когда я был ребёнком, жил в деревне среди крестьян. Недалеко от нас была еврейская колония, и однажды мальчишка прибежал к моей матери и сказал: «Лазарь перекрестился!» Но это была игра. Такое развлечение. Один спрашивает: где у тебя лоб? Здесь, отвечаешь и трогаешь лоб. А пупок где? Здесь. А левое плечо? Здесь. А правое? Здесь. Ага, попался, говорит он, ты перекрестился! (Смеётся от души) Что ж, так мы развлекались.

Но сейчас в СССР вновь открываются церкви. Что вы об этом думаете, вы, бывший ярый противником религии?

Да, я долго занимался антирелигиозной кампанией. Сегодня религия возрождается? Хорошо, я за. И хотел бы вспомнить один эпизод. В разгар Гражданской войны мы заняли Воронеж, выгнав генералов белой гвардии. На следующий день после взятия города я, как председатель военно-революционного комитета Воронежа, издал указ: мол, это чушь, что большевики закроют все церкви, напротив, я запрещаю любые действия против священников, разрешаю всем церквям оставаться открытыми и даже звонить в колокола. Но при этом мне больно видеть, как сегодня любой спор идет практически в одни ворота. Гласность, возможно, и принесла больше свободы слова, но это односторонняя свобода. Другая половина людей молчит. Не говорят, например, что священники приветствовали белые войска молитвами и знаменами. Что они их благословляли. Молчат о том, что в 1905 году священники и монахи вооружались в специальные отряды, чтобы сражаться бок о бок с помещиками против крестьянских восстаний. Почему об этом не говорят? Почему не говорят, что молодёжь в деревнях разрушала церкви и ломала кресты, мстя за поведение священников? Молчат о том, что священники позволяли ставить пулеметы на свои колокольни, чтобы стрелять по нашим войскам! Говорят, что русская церковь благословенна уже тысячу лет. Но за эту тысячу лет она натворила всякого. Не только против коммунизма, но и против царя Петра Великого.

Вас, однако, обвиняют в больших кампаниях террора – против церкви, против врагов народа...

Я знаю. Сегодня пишут, например, что Каганович наладил со-